

Спекулятивная риторика Паскаля Киньяра как акт миропонимания

В. В. Фролова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
victoriakorzhakova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается концепция спекулятивной риторики, разработанной современным французским писателем Паскалем Киньяром. Анализируются авторы и произведения, которые могли оказать влияние на взгляды и мироощущение писателя и привести к появлению спекулятивной риторики именно в такой форме, в какой мы ее видим. Основой данного исследования служит сборник трактатов Паскаля Киньяра «Спекулятивная риторика».

Ключевые слова: риторика, спекулятивная риторика, софистика, эллинизм, Паскаль Киньяр, античная рецепция

Для цитирования: Фролова В. В. Спекулятивная риторика Паскаля Киньяра как акт миропонимания // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 149–154.

Original article

Pascal Quignard's Speculative Rhetoric as an Act of World Perception

Victoria V. Frolova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
victoriakorzhakova@gmail.com

Abstract. The article examines the concept of speculative rhetoric developed by the contemporary French writer Pascal Quignard. It analyzes the authors and works of past epochs, which could influence the views and worldview of the writer and lead to the emergence of speculative rhetoric in the form we see it. The basis for this study is Pascal Quignard's collection of treatises, *Rhétorique speculative*.

Keywords: rhetoric, speculative rhetoric, sophistry, Hellenistic philosophy, Pascal Quignard, reception of Antiquity

For citation: Frolova, V. V. (2024). Pascal Quignard's speculative rhetoric as an act of world perception. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(886), 149–154. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В разные эпохи человек пытался проникнуть в суть окружающего его мира, а также познать сущность человеческой природы, обращаясь к мифу, религии, верованиям, алхимии, философии, науке, психоанализу и другим областям знания. Однако человеку свойственно не только мыслить, но и пытаться «помыслить мышление», т. е. изучать, анализировать, выстраивать методы, модели, способы мышления, которые могут помочь добиться более глубокого понимания миропорядка и нас самих.

От силлогизмов Аристотеля до логики Декарта, критики чистого разума Канта, феноменологической редукции Гуссерля, от софистов до методевтики Пирса, спекулятивной риторики Киньяра – разные эпохи порождали разные, а иногда и противоположные друг другу концепции и течения.

МЕТАМОДЕРНИЗМ И ИНТЕРЕС К УШЕДШИМ ЭПОХАМ

Интенциональность эпохи постпостмодернизма, или метамодернизма, сподвигает нас отойти от модернистского отрицания прошлого и неминуемого движения вперед, от постмодернистской насмешки, и, напротив, обратиться к прошедшим эпохам, но не для того, чтобы вновь пережить их или стереть из памяти, а для того чтобы переосмыслить, углубить наше понимание этих периодов, вновь почувствовать свою причастность к ним.

В конце XX и начале XXI века мы наблюдаем повышенный интерес деятелей искусства и публики к тому, чтобы больше узнать об ушедших эпохах, открыть для себя забытых временем художников, музыкантов, композиторов, писателей. Наши слова подтверждает, например, существование таких явлений, как HIP¹ (аутентичное исполнительство, или аутентизм) и early music revival², суть которых заключается в исполнении музыкальных произведений прошлого с использованием инструментов соответствующего периода и условием как можно более точного воспроизведения интенции композитора. Стоит упомянуть, что движение за «возрождение старинной музыки» зародилось еще в XIX веке, а изменение отношения к музыке прошлого происходило в XVIII веке, одновременно с распространением философского принципа историзма [Шекалов, 2007]. Несмотря на это, рост интереса к старинной музыке в XX–XXI веках остается важным для понимания мироощущения современного человека, будь он автором, исполнителем,

читателем или слушателем, и отчетливо коррелирует с принципами метамодерна.

Материалом для данного исследования послужило эссе Паскаля Киньяра «Спекулятивная риторика» (1995), однако для иллюстрации конкретных примеров использовался также роман «Тайная жизнь» (1998). Паскаль Киньяр (р. 1948) – современный французский писатель, эрудит, ученик таких известных представителей французской философии «новой волны», как Эммануил Левинас и Поль Рикер, знаток античной культуры и истории, человек, знающий латынь и древнегреческий, профессиональный музыкант, играющий на нескольких инструментах, музыкальный теоретик, знаток психоаналитической теории и последователь Лакана – уже благодаря своей жизненной и семейной истории стал тем, в чьих произведениях проявился метамодернистский дух времени еще до того, как Робин ван ден Аккер и Тимотеус Вермюлен дали определение метамодерну. Приведем некоторые из принципов, описанных Люком Тернером в Манифесте метамодерниста, и важных для анализа произведений и взглядов Паскаля Киньяра: естественность и необходимость колебаний, или осцилляции, между противоположностями; освобождение от идеологии модернизма и постмодернизма; обращение как к прошлому (ностальгия), так и к будущему; восприятие любой информации как основания «для знания, будь оно эмпирическим или афористичным, безотносительно его истинности»³.

В духе нового объединения этики с эстетикой и возрождения ушедших эпох Киньяр часто обращается к периоду античности и барокко. О. Г. Петрова и Л. Е. Муравьева отмечают барочную рецепцию в работах Киньяра, причем проявляется она как на сюжетном уровне и в выборе персонажей, так и на композиционном уровне и в самой логике текста. [Петрова]. Отражению античной темы в творчестве Киньяра посвящена статья М. И. Никола, в которой автор отмечает, что при описании римской истории и культуры писатель обращается «к периодам кризиса, перелома, распада, конца» [Никола, 2013, с. 108]. В рамках данного исследования нас будет больше интересовать как раз диалог Киньяра с античными философской и антифилософской традициями.

Форма многих произведений этого французского писателя может навести читателей на мысли о постмодернизме – ведь в его «маленьких трактатах», эссе и даже романах так много фрагментарности и смешения жанров. Однако постараемся провести более детальный анализ его творчества, а также напомним, что сам Киньяр дистанцируется от многих привычных течений или жанровой

¹Historically Informed Performance

²Англ. возрождение старинной музыки.

³Тернер Л. Манифест метамодерниста / пер. с англ. А. Гусева // Metamodern. 2011. URL: <https://metamodernizm.ru/manifesto/>

классификации своих произведений. Ирен Кристева находит в его работах след «эстетической дистанции», представляющей собой «расщелину между постмодернистским видением и барочной эстетикой детали»¹, а также след «поэтической дистанции», т. е. отступления от большого нарратива и его расщепление на фрагменты [Kristeva, 2017, с. 90].

Феномену спекулятивной риторики Паскаль Киньяр посвятил одноименное эссе, на первой же странице которого приводится его собственное определение этого понятия. Для Киньяра спекулятивная риторика – это антифилософская традиция грамматики, которой следовали на протяжении всей западной истории с момента изобретения философии. Датой начала теоретизации спекулятивной риторики автор считает 139 год, теоретиком – римского грамматика, риторика и адвоката Марка Корнелия Фронтон [Quignard, 1995]. Рассмотрев это явление более подробно, мы увидим, что традиция спекулятивной риторики во многих случаях довлеет над реализацией творческой интуиции Паскаля Киньяра.

СОФИСТИЧЕСКИЕ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ КОРНИ СПЕКУЛЯТИВНОЙ РИТОРИКИ

Классическая эллинистическая риторика включает в себя пять элементов: инвенция, диспозиция, словесное выражение, запоминание и преподнесение. И если два последних пункта относятся к устным выступлениям, то остальные три необходимы при сочинении любого трактата. И, если мы обратимся к произведениям Паскаля Киньяра, написанным в жанре «маленького трактата», мы сможем найти эти три элемента эллинистической риторики [Kristeva, 2008].

Традиционная риторика осуществляет синтез этоса (характера), пафоса (эмоционального воздействия) и логоса (разума) – трех регистров убеждения по Аристотелю. Спекулятивная риторика, как ее понимает Киньяр, имеет антифилософскую тенденцию, находится «на полях» или «на обочине» философии:

Nous n'avons pas besoin d'aller nous adresser à l'Orient, au taoïsme chinois, au bouddhisme zen pour penser à plus de profondeur ou pour nous défaire des apories de la métaphysique des Grecs puis de la théologie des chrétiens, enfin du nihilisme des Modernes : une tradition constante, oubliée, marginale parce que intrépide, persécutée parce que récalcitrante, nous porte dans notre propre tradition, venant du fond des

âges, précédant la métaphysique, la récusant une fois qu'elle se fut constituée (P. Quignard, 1995). – Нам нет нужды обращаться к Востоку, китайскому таоизму, дзен-буддизму, чтобы углубить наше мышление или чтобы отделаться от апорий метафизики греков, затем от теологии христиан, и, наконец, от нигилизма модернистов: традиция – постоянная, забытая, маргинальная (поскольку бесстрашная), преследуемая (поскольку несговорчивая), несет нас в нашей собственной традиции, идущей из глубины веков, предшествующей метафизике, и отвергающей ее, с момента ее формирования.

Ирен Кристева утверждает, что в трактатах и эссе Киньяра спекулятивная риторика как антифилософская тенденция отсылает нас к наследию софистов или, скорее, к «эффекту софистики», описанному в работе Барбары Кассен. Возьмем на себя смелость утверждать, что, по сравнению с классической эллинистической риторикой, наследие софистов не так хорошо изучено, и тому есть несколько причин. Наиболее яркие представители старшей группы софистов (Протагор, Горгий, Продик, Гиппий) жили в V веке до н. э., и даже просто хорошо сохранившихся корпусов текстов софистов очень мало, еще меньше текстов было переведено на современные европейские языки. Но есть еще и «статусные» причины, ведь еще Аристотель старался не просто «низвести софистику до вредоносной тени, отбрасываемой философией: он разрабатывает настоящую стратегию исключения» [Кассен, 2000, с. 9]. Из анализа Барбары Кассен мы понимаем, что философия по разным причинам хотела сделать софистику как можно менее значимой и слышимой в исторической перспективе. Приведем несколько определений софистики (от греч. *sophia* – знание, мудрость) прежде, чем продолжить обсуждение этого вопроса:

- «рассуждения (вывод, доказательство), основанное на преднамеренном нарушении законов и принципов формальной логики, на употреблении ложных доводов и аргументов, выдаваемых за правильные»;
- «способ рассуждения, целью которого является сознательное искажение истины, стремление выдать заблуждение за истинное знание с помощью приемов интеллектуального мошенничества, нарушающих правила формальной логики и принципы диалектики»;
- «применение в спорах или доказательствах ложных доводов – софизмов, замаскированных внешней формальной правильностью. К основным приемам С. относятся вырывание представлений об отдельных сторонах объекта из их связи с другими, подмена действительных связей вымышленными, передергивание

¹Зд. и далее перевод наш, если не указано другое. – В. Ф.

фактов, искажение смысла понятий, подмена главного второстепенным и т. п.»¹

Одним из основных понятий, вокруг которых строится определение софистики, является отношение к истине (ее искажение, подмена, нарушение формальной логики и т. п.), что создает не самый лестный образ данного течения. Но традиционный образ софистики, отраженный в диалогах Платона, еще более критичен. Софистика разоблачается по всем направлениям – онтологическому, логическому, этическому, педагогическому и политическому, из-за напыщенности и пустой энциклопедичности стиля софиста критика касается даже области литературного выражения. Философию выводит из себя дерзость софистики, ее чрезмерные вопросы, пересечение границ. Из всего этого Б. Кассен делает вывод о том, что «софистика есть не что иное как оператор определения границ философии» [Кассен, 2000, с. 8].

Ирен Кристива говорит о том, что Киньяр перенимает у софистов понимание истины. Его тексты и наблюдения указывают на то, что истину можно найти не в фактах, но в способе выражения и в поиске речи, языка, который был бы суггестивно эффективным. В отличие от Сократа, софисты, в частности, Ликофрон и Горгий, обращались к риторике, пытаясь дойти до границ ее возможностей [Kristeva, 2008]. Проведя анализ убеждений и произведений софистов, Барбара Кассен утверждает, что для них именно «понятия важности, необходимости, интереса обладают в тысячу раз большей детерминирующей силой, чем понятие истины. Вовсе не потому, что они подменяют его, но потому, что служат мерой истинности» того, что говорится [Кассен, 2000, с. 15]. Однако сходства между Киньяром и софистами на этом и заканчиваются, так как он не перенимает их высокого утонченного стиля [Kristeva, 2008].

Помимо примата истины критики софистики придавали большое значение тому, чтобы подчинить значение этике, а не концентрироваться лишь на эстетическом построении значения «как эффекта значения, практикуемого софистикой» [Кассен, 2000, с. 12]. На это же указывает и Франк Коллин в статье о спекулятивной риторике Virgiliana, Горация и Овидия по Паскалю Киньяру, отмечая, что писатель сравнивает раторов эпохи Цицерона, выступавших перед собраниями и вынужденных подчиняться социальному этосу, с раторами эпохи Августа, у которых была свобода, дававшая им возможность исследовать невообразимые романизированные ситуации.

Для Киньяра важно, что художественный вымысел через сочинение конкретных историй создает более «истинный» феноменологический объект, который быстрее могут воспринять органы чувств. Такая эстетика лежит в самом сердце литературной мысли

Киньяра и позволяет ему сблизить инвенцию риторики с креативностью сказки или романа [Collin, 2021].

Паскаль Киньяр заимствует у софистов отношение к истине, и предостерегает читателей: «Не будем забывать, что я не говорю здесь ничего, в чем можно быть абсолютно уверенным. Я позволяю языку, в котором родился, представлять свои реликвии, и они смешиваются с прочитанным и сновидениями» [цит. по: Rabaté, 2008, с. 156]). Доминик Рабате считает, что утверждения Киньяра представляют собой противоположность классического афоризма: тогда как цель афоризма – выразить неоспоримую истину, при этом, возможно, используя парадокс, цель киньяровского высказывания в том, чтобы передать намного более сингулярную истину, на грани с гапаксом, что-то, что невозможно воспроизвести [Rabaté, 2008].

Однако Киньяр не перенимает у софистов возвышенного, направленного на убеждение стиля, проповедуя лингвистическую сдержанность и следуя в этом скорее за такими философами, как Карло Микельшtedтер, осуждающими риторическую традицию за использование уловок и жаждущими переориентирования языка на первостепенные вещи [Kristeva, 2008].

При этом можно говорить о том, что в спекулятивной риторике Паскаля Киньяра присутствуют элементы эллинистической философии, а именно: стоицизма и эпикуреизма. В частности, данный вывод сделан на основании того, что Марк Корнелий Фронтон и его воспитанник Марк Аврелий были последователями греческого стоицизма, а в эпикуреизме Паскаля Киньяра особенно вдохновляло отношение к понятию «образ» или «искусство образов» [Kristeva, 2008, с. 25].

В. В. Бровкин отмечает, что в последнее время возрос интерес к философии эллинизма, долгое время оставшейся в тени более ранней классической философии [Бровкин, 2022]. Но для Киньяра, человека, знающего латынь и древнегреческий, наследие древних раторов и философов не было тайной за семью печатями. Подобное возрождение философского течения представляет собой еще один пример обращения современного человека, живущего в эпоху метамодерна, к прошлому в поисках истины, совета, решения.

ОБ ИНЫХ ИСТОЧНИКАХ ВОДОХНОВЕНИЯ ПАСКАЛЯ КИНЬЯРА В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ СПЕКУЛЯТИВНОЙ РИТОРИКИ

Среди других источников, которыми вдохновлялся Паскаль Киньяр при разработке концепции спекулятивной риторики, Франк Коллин называет имеющее патичную (подчиняющуюся чувственно-му, восприимчивому) природу мышления римлян,

¹<https://terme.ru/termin/sofistika.html>

которое французский писатель противопоставляет греческой метафизике и которое, по его мнению, и представляет риторика. Кроме прочего, Киньяр придерживается принципов атомизма Лукреция, а также ницшеанского деконструктивизма, это приводит писателя к убеждению в том, что не бывает «маленьких» сюжетов, что даже мельчайшие детали и контуры реальности способны что-то нам сообщить [Collin, 2021].

Доминик Рабате соглашается с тем, что Киньяр наследует не только у античных традиций, и утверждает, что творчество французского автора особенно приближается к творчеству французского философа, социолога, теоретика искусства и писателя Жоржа Батая. Причем Паскаль Киньяр сам называет его своим учителем и вдохновителем, и не единожды. Например, в романе «Тайная жизнь» он пишет:

Меня совершенно восхитило то, что попытались совершить Монтень, Руссо, Стендаль, Батай. Они смешивали размышления, жизнь, вымысел, знание, как если бы речь шла о едином организме.

Пять пальцев одной руки ухватывают нечто (П. Киньяр. *Тайная жизнь*. Пер. Е. Бабаевской, М. Брусовани).

О творчестве всех четырех упомянутых здесь авторов можно сказать, что его трудно классифицировать, отнести к какой-то конкретной категории. Их труды принимают форму эссе, трактатов, речей, философских размышлений, но также и романа, художественной литературы. Паскаля Киньяра восхищает идея органического единства письма, к которому он тоже стремится. Это свобода мышления, уходящего с протоптанных дорожек и изобретающего свой ритм и фразы, свой вокабуляр и объекты [Rabaté, 2008].

В «Спекулятивной риторике», в трактате «Gradus», Киньяр раскрывает еще несколько источников своего вдохновения:

Mes maîtres sont :

Pour les motifs : L'Odyssée, Les Métamorphoses, L'Âne d'or, Les Mille et Une Nuits, les Sagas d'Islande, Chrétien de Troyes, tout Saikaku, Le Rêve dans le pavillon rouge, tout Stendhal, Les Hauts de Hurlevent.

Pour l'implication : Gilgamesh et Enkidou, la Bible, Tchouang-tseu, Lucrèce, Virgile, Tacite, Sei Shônagon, Montaigne, Saint-Evremond, Tallemant, Nicole, Saint-Simon, Chateaubriand.

Pour le ton : César, Albucius, Paul, Tacite de nouveau, La Rochefoucauld, Massillon, tout Pou Song-ling, Rousseau, Chateaubriand de nouveau, Mme de Boigne, Hello, Colette, Bataille (*Quignard*).

Мои учителя:

В области мотива: «Одиссея», «Метаморфозы», «Золотой осел», «Тысяча и одна ночь», «Саги Исландии», Кретьен де Труа, весь Сайкаку, «Сон в красном тереме», весь Стендаль, «Грозовой перевал».

В области импликации: «Гильгамеш и Энкиду», Библия, Чжуан-цзы, Лукреций, Вергилий, Тацит, Сэй-Сёнагон, Монтень, Сент-Эвремонт, Таллеман, Николь, Сен-Симон, Шатобриан.

В области тона: Цезарь, Альбуций, Павел, снова Тацит, Ларошфуко, Масийон, весь Пу Сунлин, Руссо, снова Шатобриан, госпожа де Буань, Элло, Колетт, Батай

Очевидно, что для более подробного анализа влияния каждого из вышеперечисленных авторов и произведений на творчество Паскаля Киньяра необходимо провести не одно исследование, и на данный момент это выходит за рамки охвата нашей статьи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Решение реактуализировать риториков и поэтов древности – не чистая фантазия. Риторическая мысль ставит письмо (и литературу) в центр мировосприятия, откуда ее ранее вытеснила техника. Дух метаморфозы служит тому, чтобы вернуть человечеству ощущение бесконечности и способности выжить.

Спекулятивный проект Киньяра направлен на отражение архаичного. Он противопоставляет себя философии в попытке вернуть мир к истокам через образ. Писатель рассматривает всё в свете метаморфозы – первосцену рассматривает как животную метаморфозу, страсть – как хищническую метаморфозу, чтение – как булимическую метаморфозу и т. д. При этом ценность данной фигуры вытекает не из внутреннего напряжения семантической дистанции, кажущейся непреодолимости между двумя отдаленными реальностями, но из стирания любой дистанции, идентификации с вещью. Метаморфоза представляет собой попытку превзойти ограничения рефлексии, заполнить зияния, вернуться к истокам бесформенных, чрезмерных, оргиастических объектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шекалов В. А. Возрождение старинной музыки и клавесина в XIX веке // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozrozhdenie-starinnoy-muzyki-i-klavesina-v-xix-veke> (дата обращения: 22.02.2024).

2. Петрова О. Г. Курс культурология. Барокко. // Общественно-политический журнал «Историк». URL: https://historicus.ru/iskusstvo_barokko.
3. Никола М. И. Античность в романах Паскаля Киньяра // Вестник ННГУ. 2013. №4–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antichnost-v-romanah-paskalya-kinyara> (дата обращения: 22.02.2024).
4. Kristeva I. La rhétorique à rebours de Pascal Quignard // Rhetor: Journal of the Canadian Society for the Study of Rhetoric. 2017. Vol. 7. URL: <http://rhetcanada.org/wp-content/uploads/2018/09/Rhetor-7-4-Feb-13-Kristeva.pdf>
5. Kristeva I. La fascination du fragmentaire. Paris : L'Harmattan. 2008.
6. Kristeva, I. Les traces de l'expérience limite dans les traités de Pascal Quignard In: Leçon d'économie générale : l'expérience-limite chez Bataille-Blanchot-Klossowski. Nanterre : Presses universitaires de Paris Nanterre, 2019. URL: <http://books.openedition.org/pupo/21582>. ISBN : 978-2-84016-419-7. DOI : <https://doi.org/10.4000/books.pupo.21582>.
7. Кассен Б. Эффект софистики / Пер. с фр. А. А. Россиуса. СПб.: Культурная инициатива: Московский философский фонд: Университетская книга, 2000.
8. Collin F. Rhétorique spéculative de Virgile, Horace et Ovide selon Pascal Quignard. Lectures rhétoriques des poètes augustéens. 2021. URL: <https://shs.hal.science/halshs-03168748/document>
9. Бровкин В. В. Философия эллинизма в современной интеллектуальной культуре // Сибирский философский журнал. 2022. Вып. 20(2). С. 155–166.
10. Rabaté D. Pascal Quignard. Etude de l'œuvre. Paris : Editions Bordas / SEJER, 2008.

REFERENCES

1. Shekalov, W. A. (2007) Revival of Ancient Music and Harpsichord in the XIX Century. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 34. <https://cyberleninka.ru/article/n/vozrozhdenie-starinnoy-muzyki-i-klavesina-v-xix-veke> (In Russ.)
2. Petrova, O. G. Kurs kul'turologiya. Barokko = Cultural course. Baroque. https://historicus.ru/iskusstvo_barokko. (In Russ.)
3. Nikola, M. (2013) Antiquity in Pascal Quignard's Novels. Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 4(2), 107–111. (In Russ.)
4. Kristeva, I. (2017). La rhétorique à rebours de Pascal Quignard // Rhetor: Journal of the Canadian Society for the Study of Rhetoric, 7. <http://rhetcanada.org/wp-content/uploads/2018/09/Rhetor-7-4-Feb-13-Kristeva.pdf>
5. Kristeva, I. (2008). La fascination du fragmentaire. Paris : L'Harmattan.
6. Kristeva, I. (2019). Les traces de l'expérience limite dans les traités de Pascal Quignard. In: Leçon d'économie générale : l'expérience-limite chez Bataille-Blanchot-Klossowski. Nanterre : Presses universitaires de Paris Nanterre. <http://books.openedition.org/pupo/21582>. ISBN : 978-2-84016-419-7. <https://doi.org/10.4000/books.pupo.21582>.
7. Cassin, B. (2000). The Effects of Sophistry, transl. from French by A. A. Rossius. St Petersburg: Kul'turnaya initsiativa: Moskovskii filosofskii fond: Universitetskaya kniga. (In Russ.)
8. Collin, F. (2021). Rhétorique spéculative de Virgile, Horace et Ovide selon Pascal Quignard. Lectures rhétoriques des poètes augustéens. <https://shs.hal.science/halshs-03168748/document>.
9. Brovkin, V. V. (2022). Hellenistic Philosophy in Contemporary Intellectual Culture. Siberian Journal of Philosophy, 20 (2), 155–166. <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2022-20-2-155-166>. (In Russ.)
10. Rabaté, D. (2008). Pascal Quignard. Etude de l'œuvre. Paris: Editions Bordas / SEJER.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фролова Виктория Владимировна

аспирант кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
старший преподаватель кафедры перевода французского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
ORCID: 0000-0002-0761-7981

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Frolova Victoria Vladimirovna

Postgraduate student at the Department of Domestic and Foreign Literature, Faculty of Translation and Interpreting
Senior Lecturer at the Department of Translation and Interpreting of the French Language, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University
ORCID: 0000-0002-0761-7981

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

12.02.2024
11.03.2024
09.04.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication